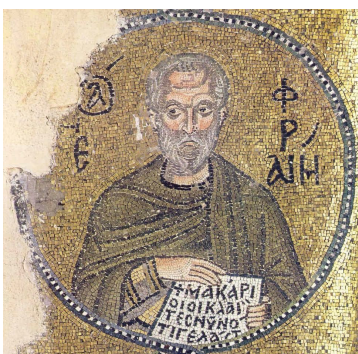

преподобный Ефрем Сирин

О Воскресении, смерти и сатане

Гимн III

Хвала и слава Сущности Твоей всенесравненной,
Глубин измерить Коей никому не суждено.

¹

Да внимлет слух наш, уши всех не внидут в заблужденье! ⁸
Кто Он и с кем Он ликом схож – изыскивать не должно.
Как можем мы вообразить доступное Познанию
Сей Сущности хоть с кем-нибудь какое-либо сходство?
Он – не вмещаемый ничем. Он – все, что зрит и внимлет.

Всецело – Логос Он, везде всецело пребывает.

2

Его очам не уловить, чтоб в мыслях наших образ,
Ему подобный, изваять. Такое невозможно!
Знай, что Он слышит без ушес и без устен глаголет,
Деяния без рук вершит и без очей взирает.
Душа не может тихой быть, спокойной, молчаливой
В святом присутствии Того, Кто носит этот Облик.
По милосердью Своему Он в образ облачился
Природы нашей – соединить нас всех Его подобьем.

3

Поймите, сущность у Него духовная, конечно.
Когда является она телесной, то насколько Чиста она!
Пускай она и вспылчива до гнева,
Для пользы нашей только гнев она в себе являет.
И с нашим обликом она лишь для того и схожа,
Чтоб были образом Его. Ведь образом с Ним только
Лишь Сын Его, дитя, и схож, явив подобье ликом.

4

Ниси́бия, внемли, внемли! Ради тебя, конечно,
И изрекал я, и писал ради тебя и прочих.
Ты в мире стала как родник борений и спасенья.
Плененные грехом уста – рыдали безутешно,
Спасенные – на торжестве тебя воспели в песнях.
К тебе отверзлись уста для плача и хвалений.

5

Молитва жителей твоих спасла тебя когда-то –
Лишь ради покаянья их, суд не был справедливым⁹
По мере гнусности своей познали жезла кару.
Но были смешаны грехи с поступками благими.
Грехи их были без числа, и им ответ – величье
Плодов деяний всеблагих, достойных восхищенья.
Богатством славу улучив, пускай такой же славы
Достойны будут от венцов, на главах воссиявших.

6

Тот день, когда спасаешь Ты, – владыка дней мелькнувших.
Твердыня стен упала в прах, твоих, о Нисибия,
Под лютым натиском врага, под гневом орд пустыни,
Но поражение обрели захватчики, убийцы.
В день воскресенья мертвых Он воздвигнет Нисибю,
Поднимет павшие твои из праха Он высоты.
Как Имя Он Свое тебя возвысит в день бессмертный.

Прославил Имя Он Свое – осаду сняли орды,
Томясь потерями, они бесславно отступили,
Покрыв позором честь свою и воинскую доблесть.

7

Сама́ рию, где глад царил, избавил Ты от смерти,¹⁰
И сладкой сытостью ее Ты до краев исполнил,¹¹
Как бы пучина разлилась святого изобилья.
Врагов поднялись валы, морская зыбь неверных,
И мириадой водных стен Нисибиию накрыла.
В Сама́ рии растерзан был младенец¹² – город спасся.¹³
В Ниси́ бии вкушают днесь ту Плоть, что жизнь дарует,
И эта Пища тотчас всех, вкушающих, спасает.
И вне сомненья **Бог** благой напастей не желает,
Но только попускает, чтоб они к нам прибывали.
В проступках наших корень зол, причина наших бедствий,
Никто не может возроптать на всех Творца, Владыку.
О наших слабостях, грехах, Он тяжко сожалеет,
Они влекут ведь гнев Его невольный за собою.
И вопреки желанью Он карает, сокрушаясь.
Земля, олива и лоза – и те приемлют кару
И в исправлении порой нуждаются жестоком.
Оливы древо бьют шестом – но плод его обилен,
Лоза подрезанная нам прекрасный грозд дарует,
И гроздей виноградных сок нам сердце умягчает.
Прекрасный урожай дают распаханые земли,
Каналы, проблески озер, пустыню орошают,
Обильно воду проводя на жаждущие нивы.
И полированная медь, и серебро, и золото
Сверкают, отражая блеск, и радуют владельца.
Всяк смертный исправленьем лишь богатство приумножит.
Забросив труд и опустив в отчаянии руки,
Заметит он, что все вокруг против него восстало.
Карает **Бог** лишь для того, чтоб смертный научился
Познать Того, Кто здесь его карает, обучая.
Когда наказывает Он – всегда для вящей пользы.
Так человек рабов своих для пользы наказует,
Чтоб их сберечь и сохранить. Хозяин дома добрый
Наказывает слуг своих, чтобы они смирялись,
Собой владели, никогда ко злу не уклоняясь.
Напасти в памяти твоей, Ниси́ бия, пусть станут
Подобны буквам ветхих книг, рекущих только правду.
Тебе довольно трех осад,¹⁴ чтоб для тебя явились

Словно Писания они, о коих размышленьям
Ты посветишь весь свой досуг, ведь ранее презрела
Завета оба: Ветхий, с ним и Новый целокупно,
В которых ты могла прочесть и о своем спасенье:
Он эти Книги написал, могучие твердыни,
Не поколеблются они: ты в них о наказанье
Своем заслуженном прочтешь и сокрушишься сердцем.
Чрез то, что нас постигло вдруг, остановить возможем
Мы то, что сможет нас потом настичь в грядущем веке.
О, примем наши кары с тем, чтоб будущие кары
Не стали наших душ бичом, лютейшим наказаньем;
Вспомянем прошлую беду, чтоб будущие беды
И отвратить, и поразить, и уничтожить разом.
Когда забыли мы удар бича жестокий первый,
Второй обрушился на нас. Но и второй забыли.
Боль третьего настигла нас. И кто ее забудет?

Гимн XXXVI

Благословен победу давший мне, Своей Он ради славы мертвым жизнь дарует.

Сокрыв могущество Свое, Господь был предан смерти,
Его живительная [смерть](#) дарует жизнь Адаму.
Он долони Свои гвоздям отдал – святые руки,
Ради руки, сорвавшей плод; предал уста ударам –
Уста святые ради уст, вкусивших плод Эдема,
А стопы – ради грешных ног изгнанника Адама,
Кто Рая сладкого лишен, – к Кресту крушцом прибиты.
Раздели Господа, глумясь, ради [Адама](#) чести.
Отцет, полынный желчи вкус, ¹⁵ познал Он, чтоб разбавить
Яд змия горький, что проник в природу человека.
«Ты, если [Бог](#) еси, яви могущество и славу,
А если человек, терпи жестокие удары.
Адама ищешь? Прочь гряди! Пусты Твои надежды!
Он здесь навеки заключен, и даже Херувимы
И Серафимов горний чин не выкупят страдальца
Какой отчаянный мертвец отдаст сиянье жизни
Своей, чтобы спасти его, откроет пасть Шеола,
В нее проникнув и назад вернувшись к свету солнца?
Шеол уж поглотил его, закрыл навек в темнице.
Я собрала всех мудрецов, я, Смерть, их сонм связала,

И переполнила Шеол вплоть до глухих окраин.
О, сын Иосифа, приди, смотри на этот ужас.
Героев члены сокрушив, Самсона стан могучий,
И Голиафа кость кроша, я Ога-исполина,
Гигантов сына, что себе железный трон для власти
Ковал⁴⁶ – со трона ввергла в тьму и трон перевернула:
У врат Шеола гордый кедр смирила, в прах низвергши.
Я смертных тысячи одна бесстрашно одолела,
Меня ли победить Ты мнишь, о жалкий одиночка!
Преславных всех мужей, отцов, священников, пророков,
Я унесла давно в Шеол, согнав их, словно стадо.
Я сокрушила и царей, их воинства столкнувши,
Я исполинов мощью их великою смирила,
Собрала праведных венец, блестящий благородством,
Так, что река из мертвых тел разлилась и в бурленье
Со шумом падала в Шеол, круша непрочный берег.
Но тот поток не утолил Шеола жажды жгучей.
Не важно, близко ль человек к опасному теченью,
Иль, опасаясь, отошел подальше, час последний
Его увлекши, как поток, несет к вратам Шеола.

5

Сребро богатых ни во что не ставлю, презираю,
Дарами их не подкупить меня, попытки тщетны.
Пусть тысячи у них рабов, не слушаю мольбы их.
Слуга ль расстрогает меня, хозяина спасая,
Иль бедный сможет умолить, вступаясь за вельможу,
Ребенок ли уговорит, за старца заступаясь?
Положим, могут мудрецы, дав волю убежденью,
К словам своим скотов склонить, но силе красноречья
Не суждено достичь ушей моих, я ей не внемлю.
Мне имя „Ненависть к мольбе“, „Жестокая к просящим“,
Что мне приказано вершить, всегда я исполняю.

6

Кто ж он такой, и чей он сын, и из какого рода,
Тот человек, чтоб смог меня повергнуть, уничтожить?
Владею книгой вечной я всех живших поколений;
Себя заставила читать все имена в той книге,
Все, от [Адама](#) до сих дней. Какая это мука!
Нет пропуска среди имен, и ни один в ней смертный
Пропущен не был и забыт, все вписаны колена
В мое, конечно, существо, в мою, конечно, сущность.
И для Тебя лишь, Иисус, я их перечитала,

Не пропустила, все сочла, исчислила надежно,
Чтоб доказать Тебе: никто не избежал кончины.
Не будем лгать, двух имена отсутствуют во Аде.
Два: Илия и с ним Енох, во [Ад](#) не низвергались.
Искала я и в глубине, куда Иона канул,
Смотрела всюду, где могла, но их не обретала.
Я полагаю, что они в [Рай](#) сладости вселились
И ускользнули от меня. У входа в [Рай](#) на страже
Пламеннокрылый Херувим стоит, внушая трепет¹⁷
Иаков лествицу узрел, протянутую в выси:¹⁸
По ней Енох и Илия поднялись до созвездий.
Исчислит кто песок морей, чтоб у меня исхитить
Песчинки крохотные две? Обильнейшая жатва,
Что собирается серпом моих жнецов, болезней,
Растет во всякий день и час. Но только я снопы их
Беру и в житницу кладу, а с ними и болезни:
Могильщиков-жнецов самих с их жатвой хороню я,
И сборщики снопов тогда в забвенье исчезают.
Со зрелой сладостной лозы, забытой виноделом,
Две сочных ягоды тогда от взора ускользнули,
Но се – ничтожнейшая часть, ведь урожай огромен!

9

На всех охочусь я, везде я стерегу добычу,
На зыбях моря, на земле, – Смерть говорит с насмешкой, –
Орлы слетаются ко мне с безбрежных далей моря,
Морских чудовищ кличу я, зверей, пернатых с неба,
Я старцев, отроков зову, младенцев: пусть докажут
Тебе лишь, о Марии сын, насколько я всевластна.
Неужто Твой способен Крест лишить меня той власти?
Ведь он из древа: древом я и вырвала победу!

10

Хотела я продолжить речь, но предаюсь молчанью,
Знай, что без счета у меня речей и доказательств,
Зачем отборные слова нужны? Вглядишь в деянья:
Вот все они, и за себя они замолвят слово.
Да, не внушаю я, как вы, всем простецам и детям
О воскресении мечту. Когда они воскреснут?
Дай доказательство сейчас, коль Ты настолько властен,
Чтоб грезы будущих надежд принять сподручно было». Умолкла Смерть, окончив речь презренья и насмешки,
И вдруг в Аду, как гром с небес, раздался глас Господень,
Раскатами загромычал, отверз могилы кличем.¹⁹

И Смерть и сумрачный Шеол, не знающие света,
Вдруг охватил великий страх, и Ангелов когорты
Сверкающие взяв лучи во длань, вошли в потемки,
И перед ликом Мертвеца, Который жизнь дарует,
Подняли мертвых, тлен стряхнув, и мертвецы в веселье
Живыми вышли из могил, в багряный стыд окрасив
Ланиты тех, кто тщетно мнил, что [Жизнь](#) Саму убили.
И Смерть, бледнея, говорит: «Где времена былые –
Век Моисея, – что за пир, что за великий праздник
Тогда мне агнец даровал в оазисах Египта:
Я сладких первенцев брала, и горы детских трупов
У врат Шеола, словно снесь, для празднества лежали,
Но Агнец Праздничный, увы, на торжестве желанный,
Вдруг начал грабить мой Шеол, Он дюжины хватает
И забирает мертвецов, бесстыдно похищает!
Тот агнец наполнял гробы, любимые могилы,
А Этот, дерзкий, полноту гробов опустошает

13

О, что за пытка для меня кончина Иисуса!
Я предпочла бы, чтоб Он жил, чем умер мне на гибель!
Мертвец мятежный, [смерть](#) Его, мне, Смерти, ненавистна!
Смерть всякого услада мне, но [смерть](#) Его в соблазн мне.
Надеюсь и мечтаю я: Он оживет вот-вот уж,
Ведь быв живым, Он лишь троим вернул дыханье жизни,
Троих Он мертвых воскресил. Теперь, когда Он умер,
Его кончиной мертвецы вновь ставшие живыми,
Меня, царицу, ввергнув в прах у самых врат Шеола,
Ногами топчут всякий раз, как их сдержать пытаюсь.

14

О, запирайте вы врата Шеола поскорее
Пред этим Мертвым, смерть Его меня хитрее много.
Да не услышит кто мой стыд теперь пред миром целым!
Мертвец, явившийся извне, меня порабощает.
Все мертвецы стремятся в жизнь, а Он сюда проникнул.
Сей Искупитель жизни вдруг зашел в Шеол незванно
И дарит жизнь живущим здесь безжизненным останкам.
Да кто позволил-то Ему войти сюда, сокрывши
Сей живопламенный огонь? Он кротко согревает
Холодный и немой вертеп туманного Шеола».

15

Во логове Шеола Смерть вдруг Ангелов узрела,
Бессмертных видит среди толп приободренных смертных.

«Смятенье, – говорит она, – моим владеет кровом.
Шеол пустеет, мертвецы его бросают бездны.
И Ангелы в него сошли, бессмертные создання,
И то, и то меня томит. Смотрите, ко Гробнице
Подходят Ангелы – один вдруг сел у изголовья,
Другой у ног Его сидит, сияющекрылатый.²⁰
Поспору с ними, может, их уговорю вернуться,
Вспарить на выси своих царств, забрав с собой трофеи?»
О, не отвергни, Иисус благой, за дерзость речи,
За гордые мои слова: против Тебя глаголал.
Кто пред Твоим честным Крестом хоть каплю усомнился
Во человечестве Твоем и пред Твоим величьем
Не принял веры в Божество Твое? Я две природы
В Тебе признал: Ты человек и Бог единосущно.
В Шеоле сможет ли мертвец блаженно обратиться?
Гряди, Господь, среди живых вещая покаянье.
Царь Иисус, прими мое моление, в залог же
Возьми обет, что сам Адам, вместе с Тобой идущий,
Уносит из шеолских недр, обетованье дивно:
В нем мертвецы идут во прах, и я совсем такой же,
Сиим обетом облечен живущий всякий. Знаю,
Адам – он лишь задаток, тот, явленый его телом.
Взнесись над перстью, Иисус, расширь Свои владенья:
Когда услышу звук трубы, трубы Святого Духа,
Я сам, поднявшись, поведу к Тебе навстречу мертвых.
Наш Царь покинул [Ада](#) сень, печальные пределы,
Он превознесся надо всем, как победитель Смерти.
О, горе, горе будет тем, кто оказался слева:
И духам злобы и бесам, и Сатане и Смерти,
Греху, Шеолу – горечь мук, а радость – тем, кто справа.
Вспоем безмерной славе гимн, нетленью Иисуса,
Того, кто умер и восстал – дать жизнь и воскресенье!

Гимн XXXVII

Благословен, Господь,
Твой крест сломил Шеола жгучее стрекало.
Зря оскудение богатств, в Шеоле
Смерть рыдала, Сокровища свои навек теряя без возврата.
«Шеол, Шеол, кто у тебя богатства отнимает?
Гиезий крал, был уличен.²¹ Но каждый день я хищу,

А кто возмог меня схватить? К больным царям крадусь я,
Которых охраняет, вокруг сомкнувшись плотно, стража,
Врата надежно стерегут привратники с оружием,
Но все же души я царей беру и похищаю.
Бесплодные среди людей скорбят, живут в печали,
Ликует только лишь Шеол в своем бесплодье вечном,
Нельзя никак родить ему, иначе опустеет,
Он обречен, чтоб в лоне хлад бесплоднейший гнезвился,
И ни одно рожденье он вовек своим не явит.
Ревекка, в чреве двух прияв, томилась от страданий,
От болей смерть звала к себе.²² Шеола муки пуще!
Неведомые муки он познал чадорожденья:
Как эмбрионы, мертвецы в нем встрепенулись разом,
Терзая лоно, все они стремятся на свободу.
То не Исайин ли глагол, пророческое слово,
Услышан, принят слухом здесь, и принят во вниманье?
Исайя встал и произрек пророческие речи:
„Кто слышал таковой глагол? В один ли день возникла
Страна? Рождался ли народ за час?²³ Да было ль это?“
Или сокрыт конечный смысл Исайи слов?
Иль тени Те словеса? Но, верно, лгу себе, что я царица,
Не ведая, кто ныне я, заточник иль охранник?»
Речения я слышал два священного Исайи,
О них все спорили, и спор ведется тот доселе.
«Приимет в чреве и родит святого Сына Дева»,²⁴
Еще изрек: «И персть родит, ведь Он рожден от Девы».
И забеременел Шеол, и разродился Богом.
И вопреки природе вдруг два лона изменились:
И Девы лоно процвело, и чревеса Шеола.
Для Девы радость, ведь она родила миру Чадо,
Шеолу горестная скорбь, ведь муками терзаем
От воскресенья мертвецов в рожденьях к новой жизни.

5

Езекииля ²⁵я узрел на пустыре равнины²⁶
Всем мертвым даровал он жизнь, приказывал скелетам,
И видел я: груды костей, затрепетав, ожили.
Вот слышен стук костей сухих во сумрачном Шеоле,
Подружку каждая свою по стуку обретает,
Сустав же всякий своего товарища. Не спросит:
«Где ж он, мой друг? Сживятся ль вдруг разбросанные кости?»
Нет вопрошаний. Иисус всем даром жизнь дарует.
Вселенной всей Его лишь глас звучащий управляет.

6

О, скорбь Шеолу, он узрел, как мертвецы ликуют,
Страдальцев сонм весельем полн, нет ни в одном печали.
О Лазаре Шеол рыдал: «Как смело он уходит!
Шагай же с миром, о мертвец, живой и полный жизни,
Два раза был оплакан ты, пред гробом и во гробе:
Рыдали сестры, когда он входил в мои владенья,
Во мрак могильный, плач второй – мой собственный, когда он
Покинул сумерки гробниц, оплаканный живыми,
Он воскресает, я, Шеол, вовеки не утешусь.
Теперь вполне я боль познал навечно расставаясь,
Возлюбленный, уходишь ты, я проливаю слезы.
Шеол пристрастен к мертвецам, привязан к ним жестоко.
Как дороги тела их тем, кто их родил, – их крал я,
И раздробил на части их, но ныне их лишен я!
Какая боль – разлуки страсть со отроком желанным,
Который ныне встал, воскрес, меня лишив надежды.
Я разделен навеки с ним, я чахну, я в горячке.
Благословен, Кто над вдовой вдруг сжалился, и чадо
Единственное ей вернул, под кров мир возвративши.²⁷
Та безутешнейшая боль, которую принес я
Всем людям через смерти тех, кого они любили,
Как часть скалы мне на главу вдруг рушится всем весом.
Люди покинули Шеол, все как один воскресли.
О пытка! – я теперь один. Возможен кто спокойно
Взглянуть на лик Шеола днесь, измученного скорбью?
Господень глас открыл гробниц заброшенные склепы,
О, град Шеол опустошен, все жители бежали.

9

Кто книг немало перечел пророков, тот внимает
О войнах праведных словам; кто зрит на Иисуса,
Тот познает саму любовь, святое милосердие.
Кто говорит, что Иисус мало кому известен,
Мне самому, Шеолу, в том наносит оскорбление.
Другому не дано ключу открыть врата Шеола,
Лишь ключ Создателя, Творца, открыл их без усилья,
И так оставил ради лишь прихода Иисуса.

10

И кто способен соединить растерзанные члены,
Кроме той силы, той, что их первично создавала?
Кто может во одно собрать разрозненные части,
Что образуют тело? – Тот, Кто создал их. А образ

Возможен кто восстановить, если не перст Господень?
Он создал, Он же и разъял, но обновить способен
И к жизни новой воскресить. Ведь бог другой не может
Познать творенья, воссоздать, если они чужие».

11

Если бы кто нашелся здесь, иная сила жизни,
Я повелел бы ей скорей спуститься в мрак Шеола,
Проникнуть до его глубин и обозреть всё разом.
Ведь Бог един, а мертвецы, конечно, заблуждались:
«Есть множество богов» они считали, но в темницах
Шеола узники, они в обратном убедились.
Их боги не смогли забрать страдальцев из Шеола.
Я ж ведаю, что Бог един, Единый и Всесильный,
Апостолов Его хвалю, пророков воспеваю.

Гимн XXXVIII

Благословен! Шеола узникам Твой Крест дарует жизнь!

1

«В Шеоле Смерти прочен трон, он утвержден издревле,
Один лишь вырвался Мертвец, низринул трон Шеола.
Меня страшится человек от самого рожденья,
А мне не страшен ни один. Страх и волненья точат
Живых, а мертвым дарит Смерть покой и безмятежность.
Один замученный и смерть принявший, вдруг вмешался
В Шеола царственный закон. В темницы заточила
Беззвучные я всех людей, но схвачена в тюрьме сей
Одним из узников, меня лишил Он прежней власти,
На свет свободы вывел Он печальных заключенных, ²⁸
И к Рая горним высотам возвел Он их, ликуя.

2

Для многих я причина слез, немолкнущих стенаний,
А плачу ради Одного, страдая безутешно.
Ну разве кто-то из людей, как я, быть может честным?
Или достигнуть чистоты такой, как я достигла?
Я благородна, всех людей люблю я без изъятья,
И даже тот, кто на меня напраслину наводит,
Признает: что от века я ни у кого ни взятки,
Хотя давали, не взяла. И у царей владычных
Себе ни малости не взяв, о равенстве вещаю.
Владык богатых, челядь их, одно, в Шеол влеку я.

Узнайте – Богу я служу, моя почетна служба,
Я не предвзято суд вершу, тружусь не за награду.
Кто мог бы вынести все то, что выношу века я?
Глумятся часто надо мной, но, несмотря на это,
Творю добро и раздаю я всем свои подарки,
Их возвращают мне во мрак, в гробах – обертках пестрых.
Мои труды на благо всем, но все меня поносят.
Пускай! Поистине мой дух покоен, безмятежен.
Утешен Богом – Смерти дух – покорнейшей служанки,
Хоть каждый день переносу гоненья и попреки.
Я избавляю старцев всех от дряхлости, болезней,
Детей – от всякого греха, кипенья крови юной,
В Шеоле тайная борьба добра со злом уходит,
У нас здесь вовсе нету зла, один покой беззвучный.
Небес заоблачная высь и мой Шеол подземный
Не ведают о зле. Лишь здесь, на этой персти жалкой,
Зло обитает и растет. А тот, кто бросил землю,
Переселяясь в мир иной, на небеса взмывает.
А коль не в силах, то в Шеол нисходит, всем доступный.

5

Ведь если Смерть вдруг посетит какого человека,
Его все утешать бегут, все слезы утирают,
Меня утешит кто теперь? Моя обитель мрака,
Как область смерти, мертвецов исполнена несчастных,²⁹
Но ни один не пожалел меня хотя бы словом.
Лишь даямон мрачный буркнул мне: „Будь проклята от Бог
Хотя Марии Сына он растоптан был пятами,³⁰
Свою гордыню он хранит. А Змий великий молвит,
Подавлен: „Лучше было б мне пасть ниц³¹ в благоговенье
Пред Иисусом, Тем, Чей Крест меня поверг навеки“».

6

Змий молвил: «Только Он прейдет порог Шеола мрачный,
Я встану, словно Иоанн, провозгласив пред всеми:
„Смотрите, воскрешает Он всех мертвецов несчастных!“
Я Твой слуга, о Иисус, ведь плоть Твоя скрывала
Небесный пламень божества. А я хулил, кощунник!
Не гневайся, о Сын Царя, Твоих сокровищ страж я.
О, прикажи, свои крыла раскину я бесшумно,
На них стремительно несусь по Твоему приказу
В любой земли, в любой страны далекие пределы».
Не все, воскреснувшие в жизнь, начаток первородных.
В Шеоле первородным был Господь наш и Владыка³²

Как может мертвый, мне скажи, сам упредить ту силу,
Что воскрешает мертвецов? Но был последний – первым³³
А младший – старшим. Первым был в рождение Манасси́я.
Но как исхитил старшинство Ефрем³⁴ скиталец бедный?
Ведь если старшим младший вдруг становится законно,
То в воскресеньи стал Господь, Сын Божий, старше смерти.
Пришел глашатай, Иоанн, познавший безусловно,
Что сам идет после Того, Кто прежде путь проделал.
Так Иоанн изрек: «За мной ступает Муж, Который
Стал впереди меня уже».³⁵ Как мог пророк стать первым
Пред Силой, Коей он приход вещает велелепно?
То, что имеет бытие ради того, что прежде,
Всегда последует ему, но впереди стал Бог наш.
Причина, Кою Иоанн измолвил, возвестил нам,
Она древнее, чем пророк, Первопричина мира.

9

Адам был прежде, тварь же вся сотворена ему лишь.
Создатель горний взор бросал лишь только на Адама,
Когда вселенную творил. Еще не сотворенный
Адам был старше твари всей, сим старшинством предельным
Владеет наш Господь, Христос, во божестве Христовом
Все человечество Его, Он – вечности Отчизна.
Слава Христу, Отцу Его – через сыновство Сына.

10

Хвала Тебе, ведь первый Ты, Спаситель мой, Владыка,
И в божестве Своем святом, и в человеческом зраке.
И даже если Илия взошел на выси первым,
Опередив Тебя, не смог Желанного достигнуть,
Которого он так искал. Но вот Твоей священной
И горней истины явлю пример и образец я!
Свидетельство ее одно, неложно, постоянно:
Тайн череда всегда ведет, пускай непостижимо,
К самой реальности. Вся тварь была сотворена
Им Прежде Адама, но [Адам](#) предшествовал всей твари.
А посему лишь для него и создано творенье.
Господь, мне даруй вечный свет святого Воскресенья,
Ради любви, любви одной, не ради только смысла.
Твоею волей властно Ты насильно возвращаешь
Ко мраку жизни грешных всех, к мучительному свету!
Искарriot бы предпочел изведать смерть в Шеоле,
Чем жить в Геенне и страдать. В Твоем лишь милосердьи
Ты воскреси меня, Господь, а если правосудье

То не изволит, пусть Твоя меня осудит благость.
В Твоей лишь благости святой Ты обо мне вспомнишь,
Ведь на нее я возложил все упование, грешный.

Гимн XXXIX

Благословен, Чей горний глас Шеола склепы расколол!

1

«Я получала, и не раз, от праведников раны,
Но ни один мне не нанес таких, как Сын Марии,
Жестоких и глубоких язв и нестерпимой боли.
Да, дня сиянье Илия открыл когда-то трупу,
Мертвец предел покинул мой, но я не горевала,
И вновь утешилась сполна, поймав его вторично,
Ведь возвращенье в жизнь еще от смерти не хранило.
Двум мертвецам дал Елисей, Сафатов сын³⁶, сокрыться,
Двумя касаньями жезла свершил побег их тайный.
Одним касаньем я его восхитила из жизни,
Взмахнув жезло́м своим, его у мира я украла
И с ними трупы тех двоих, что он ко свету поднял.

2

Мученьем был Гиезий мне, когда я увидала,
Как возлагает он свой жезл на мертвый лик младенца,³⁷
Гиезий-вор забрал свой жезл и мир живых покинул.
Явился Елисей-пророк, смиряясь, возрастал он, –
Сей удивительнейший муж во глубь пустынь сокрылся!
Но я его и там нашла, поймала взглядом облик
Того, кто жизни светлость дал угасшему дитяти.
Ах, как я счастлива была, хотя бы и на время,
Не ведая, что мертвецов мятеж меня низвергнет.
В смятенье свет узрела я на лице Моисея,
Сиянья славы. Первый взгляд исполнен был смущенья,
Зато второй бесстрашен был, последний, смертоносный.
Когда явился Моисей, весна цвела в Шеоле!
Паслась на нежных трупах я, как на лугах привольных,
Шестьсот ведь тысяч³⁸, как один, тогда расстались с жизнью.
Тогда презренный Иисус, и кроткий, и бессильный,
Ничто не значил для меня. Пускай больных целил Он,
Расслабленных Он поднимал, и множил люду хлебы...
А ныне хлеба нас лишил, отнявши пропитанье,
И Смерть и сумрачный Шеол познали муку глада.
Сколь громким было торжество безлунного Шеола,

Когда я в бездну низвела всех сыновей Корея.
Мне Сатана великий пир устроил и роскошный,
Когда левитов разделил.³⁹ То крин медовомлечный
Забил мне из песков пустынь. И грешных мириады
Втекали в сумрачный Шеол. А ныне правых толпы
Живыми из него грядут к сиянью горней жизни.
Да, Моисей в Шеол низверг живых, в ловушку смерти,
Но воскрешает Иисус, и мертвые восходят
От смерти к милой жизни вдруг, восстав из рва истленья.

5

О, сколько счастья дал мне день фанатиков-зелотов,
Они насытили меня клинков багряной влагой!
Ревнитель Финеес, пронзив стремительною медью,
Мне на конце копья принес изысканное блюдо.⁴⁰
Сплетенье сладострастных тел Зимри́ и нежной Хазвы
На вертел насадили мне – тельцов двух тучных разом.
И так вкусила Хазву я, начальникову дочку,
Не тронув Иаира дочь,⁴¹ что Иисус похитил.

6

Кадила Аарона дым⁴² меня повергнул в ужас –
Его меж мертвых и живых победно утвердили.
Но худшим был мученьем Крест, отверз гробов он входы⁴³.
Он, Крест, который гибель нес святому Иисусу,
Сгубил меня. Стыдится ль тот воитель поражения,
Над кем победу одержал могучий ратник смелый?
Но я испытываю стыд моей сильнейшей скорби,
Ведь власть повержена моя Мятежником распятым.
Я Финеесовым копьем печали улучила:
Остановило острие чумы набег ужасной.⁴⁴
Тот меч, который охранял от века древо жизни,⁴⁵
Меч утешенья и скорбей, лишил [Адама](#) Рая.
Дрот Финееса отдалил народ от смерти лютой.
Но копие, что на Кресте пронзило Иисуса,⁴⁶
Какою мукою меня пронзило нестерпимой!
Христу был нанесен удар: я тяжко восскорбела.
Из Иисуса истекли кровь и вода по смерти:
Омытый ими, жизнь обрел [Адам](#) и в Рай был принят.
Жрецами моих уст живых являлись Саддукеи.
За мыслью гнались моей ученые их споры,
Им предводительницей я, Смерть мудрая, служила:
„Нет воскресения“ – они уверенно вещали.
Но Иисус ответил им словами из Писанья.

Постигла я ответа смысл, и возопила в страхе:
Он рек: "Я Авраамов [Бог](#), живых, а не истлевших!"⁴⁷
Я ликовала бы тогда, когда слова простые
Реченья звучного Его остались только сказкой.
Но Он на деле воскресил истлевших трупов ткани,
И все деянья вопиют Его о Воскресенье.

9

Против тридцати царей восстал Навина отпрыск,⁴⁸
Всех заколол тот Иисус, наполнив мрак могильный,
И переполнив склепы все гниющими телами,
Опустошив Иерихон, в Шеол направил толпы.
Но вот явился Иисус, опустошил гробницы,
И населил Небесный Град.⁴⁹ Есть сходство между ними
Лишь только в имени лица, не по деяньям вовсе!
Ахана⁵⁰ первый подарил, царице трупов – вора,
Второй же Лазаря потом исхитил из Шеола.
Со справедливостью добро слилося в Моисее,
Он Египтянина сразил,⁵¹ но спас народ невинный.
Но заповедь иная всем пришла от Иисуса:
„Кто даст пощечину тебе, тому подставь другую
Смиренно щеку“.⁵² Убегай от ненависти лютой,
Не будь зелотом, ярим львом, фанатиком холодным,
Который мучает и бьет, лишает жизни злобно,
Но милосердья красоту ты покажи святую.
Так гордый Самуил казнил несчастного Агага,⁵³
А Иисус наш исцелил расслабленного словом.⁵⁴
И оскудение росло святого милосердья,
А ныне изобилен плод его несокрушимый.
Но и сейчас порой его жестоко ненавидят:
„Не следуйте, – рекут, – словам и нраву Иисуса,
Будьте безжалостно крепки!“ Саул, Ахав убиты
Как проявившие приязнь к неправедным и скверным,
Смерть наказанием для них заслуженным явилась.
Но изменились времена, по-новому глаголет
Язы́ кам ныне Иисус: „Да будет жив всяк смертный,
И даже жалость пусть явит ко своему убийце“.

12

Я и Самсона помяну, сего молодого скимна,⁵⁵
Что истребил онагров всех и одарил столь щедро
Дарами всех Филистимлян; реку об Авенире,
О сыне Нира, том, что был воинственным владыкой,⁵⁶
Кто быстрой серны взявши след, молодого Асаила,

Саруи сына,⁵² увлечен кровавой был охотой:
Пронзен был дерзкий Асаил и распростерся в прахе.
У жертвенника Ванея, презревши святость храма,
Творя возмездие, убил жестоко Иоава.⁵⁸
О сем Писание речет: прочти и поразмысли.
Но в ножны ныне прячет меч разящий справедливость,
Раскаявшихся хоровод беспечно пляшет с Благом.

13

Давид смирил моавитян, и вервием отмерен⁵⁹
Жестокий рок их, и они лишились милой жизни.
Ты милосерден, кроток Ты, о горний Сын Давида,
Тому, кто карою двойной возмездие удвоил,
Отмерив вервий двух на смерть захваченным отрезки,
Одним же вервием на жизнь мужам – промолвил тихо
Давида пренебесный Сын: „Прости своему брату
Семь раз по семьдесят“. ⁶⁰ Давид отмерил справедливость.
А Иисус Сам есть добро, не знающее меры.
Давида долею была пылающая ревность,
Он убивал жестоко льва пустынного и волка,⁶¹
Оставив скимна, принял он единоборца вызов
Могучего, и из пращи стремительным осколком
Сиянье дня он угасил нежданно Голиафу,
Жизнь отлетела от него, его направив к смерти,
Но Иисус, возвысив глас, ко трупу обратился:
„О юноша!“⁶² Ведь для Него как спящие, кто умер.⁶³
У смерти юношу украв, Он дал ему свет жизни,
Но утопил в морских зыбях больших озер пустыни
Он отвратительных свиней, исполненных порока.⁶⁴

15

Златой телец причиной был того, что смерть левиты
Несли и братьям и отцам,⁶⁵ родную кровь презревши.
Так Иеффай своей рукой зарезал дочь родную,⁶⁶
Царь Моавитский на стене принес кровавой жертвой
Младенца-первенца,⁶⁷ свое дитя не пожалевши,
Во утешенье взяв лишь меч. Но Иисус, пришедши,
Взял в долонь меч и острие вдруг затупил любовью.
Сестру Шеолову смирил – Горячку обездвигил,
И теца поднялась Петра, и здравие стяжала.⁶⁸
Шеол же в немощь тут же впал из-за целений Божьих,
Из-за чудес, что Иисус свершил по милосердью.

16

Провозглашает доброту всем Иисус священный,

Сын Справедливого Отца приносит справедливость.
А для меня вся доброта Его – одно мученье.
Ведь ревность черная всегда мила мне и любезна,
И радость для меня дарит. Ведь пролилась когда-то
Кровь первая из-за нее... И в чем моя ошибка,
О Сын Марии, для чего ж Ты повелел всевластно:
„Не емли гнев на своего ты родича и брата,⁶⁹
Не вынет острый меч из ножи любимый брат на брата“,
Ведь Каина клинок мне был крушцовый первым счастьем.
Мед в трупe львином⁷⁰ вдруг обрел Самсон, могучий воин,
Знамением чего была та сладость, что точилась
В останках жизни? Иисус знаменья умножил:
Тону я в бездне тайн Его: о воскресеньи притчи,
Как сени беспокойный зрак, как образ говорящий.
„Из пожирающего вдруг снeдь чудно появилась“, –
Загадку задал всем Самсон. Загадка поменялась:
„Се, пожирающее смерть, из смерти выступает“,
Из моей снeди вдруг пришло ядущее меня же:
Меня пожрал Адама Сын, рожденный от Адама.
Порою ранили меня все праведники словом:
Они, ликуя и шумя, рекли о Воскресенье,
Но сила утешенья их к моим слезам мешалась:
Молитвы Аса⁷¹ воссылал, моленья Езекия
Свои ко Господу стремил, и смерть их отлагалась,⁷²
Но страстно трупов их ждала; вот Илия зарезал⁷³
Вааловых жрецов и мне принес их у потока,
Сиих откормленных на зло Иезавели хлебом.
Но я навыкла голодать, всех яств меня лишили
Сами же праведники: я алкала и скиталась.
То Иисус заставил все, что проглотила, алча,
Назад ко свету изbleвать, людей сладчайших блюдо.

19

Кровь очистительная мне как ужас неизбывный,
Помазал ею Моисей домов Еврейских двери,
И агнца сохранила кровь от смерти в них живущих.
Но что для Смерти значит кровь – кроме кровавых знаков
На косяках дверей домов и на Кресте страданий?
Се – наслажденье для меня, се – фимиам убитых,
Благоуханье мертвых тел и таяние трупов.
Но кровь, что Иисус пролил, мне навевает ужас.
Когда вдохнула запах я ее невыносимый,
Дух Жизни, веющий над ней, исполнил меня страхом.

Все те священники, цари, помазанники Божьи,
 Что были у истоков тайн святого Воскресенья,
 Не обрели, подъявши крест, ни малого богатства.
 На их главах венцы лежат, сверкают диадемы.
 И все же мне нанесены ответные удары.
 Сын плотника²⁴ увенчан был терновой диадемой,
 Но сокрушил мою главу, Смерть нагло обезглавил,
 Хоть умаленье Он приял и гибельную участь,
 Его священный лик поверг Шеол во страх и трепет.
 Лик Моисея испугал валы морской пучины,
 Заставил море отступить во трепете пред жезлом,
 Что славой Божию блистал в деснице у пророка.
 Его величье зрела я, жезл дивный, власть от Бога,
 Что разбивала крепость скал. Шеоловы гробницы
 Разбил несчастный Иисус, смертельно бледный, чахлый,
 Ни вида славы, ни зарниц, ни горнего сиянья
 Тогда ведь не было на Нем, но и в таком обличье
 Он страх у Смерти вызывал. Цвет мертвенного лика,
 Цвет самой смерти поразил Шеол, как блеск оружия...
 Так мертвый Бог Шеол убил. И что грозит в дальнейшем
 Во славе Иисус грядет дать жизни цвет умершим».

Гимн ХЛ

Благословен, Кто в прах разбил Шеолово коварство.

1

О, сколь велик жестокий стыд и униженье много
 Коварнейшего Сатаны, презренного от Бога!
 Но перед слугами стоит, исполненный гордыни,
 Он кропляет их из уст изящными речами,
 Красноречивостью своей безмерной убеждает:
 «Моя премудрость частью лишь порождена природой,
 По преимуществу она – плод опыта бесценный,
 Пожалуй, даже целиком – есть результат познания.
 Я все познал, конечно, сам. Я рассуждал, я мыслил,
 Я без учителя стяжал всей мудрости обширность,
 И вот я в знаньях, как в броне, вооружен отменно,
 Я весь исполнен блеском лат безмерного величья.
 О, род людской, меня лишь ты и увенчал победой,
 Познание мое венцом сверкающим украсив.

2

В наряд мой ненависти все оделись фарисеи,
Во облаченье зла они напали на Марии
Святого Сына; гнев внушил я им жестокомрачный,
И он низвергся, словно град из острых дротов метких
На Иисуса. Дерзость их гналась за Ним, несчастным,
Бросалась хищно ярость их, их клевета томила,
Как тяжкий гнет она Его всечасно истощала,
Их зависть, гнев, фальшивый пыл, что „ревностью“ зовется, –
Ревнивость хищная, – все, все, сражалось с Ним нещадно,
Их богохульственная желчь в Него метала глыбы.
Он, Врач, пришел к Своим больным, принес с Собой целенье,
Я ж побудил восстать больных, чтобы Врача низвергли.
Но нечувствителен Он был к жестоким обвиненьям.
И я прибегнул к клевете, я спрятался за нею,
Его-то я оклеветал и ложь свою умножил,
Но вижу: лжи моей цветок, увял, иссох, а дерзость
Увы, распознана моя, и словеса презренью
Мои навеки отданы. Но кров себе нашел я,
Укрывшись в двойственности слов, в двусмысленности речи.
Речей тенеты я к Нему направил фарисейских,
Я в силлогизмах уловить решил Его искусно,
Но труд мой долгий, словно пыль, в луче сверкнув, растаял,
Соломинкой, игрушкой он бессмысленной остался.
А [Истина](#) Его, как свет, распространилась всюду.
Атлета видел одного, могучего владыку,
Блистал он мастерством своим, велик в искусстве брани,
И даже Змий, что вне миров, его страшится силы.
Но ярость правит всей его склонностью сокрытой,
Несдержан и разнуздан нрав, змеиному подобный.
Он смертоносными объят желаньями. Страшится,
Боится лихорадки он, горячечного бреда.
Но взял лекарством для себя отказ от исполненья
Священных заповедей он. И вот, его насмешка
Разит безжалостно и бьет и превращает в пепел,
А страсть любовная крушит и разрушает тайно,
И ядовитейший язык, горчайшее стрекало,
Он прячет под покровом уст, готовое к убийству.
Но не безумней он того, кто о презренном крове
Радеет больше, чем о всей душе своей несчастной.
Он проверяет каждый день мешков своих сохранность,
Над содержимым их, глупец, он, одержимый, чахнет.
Но моль незримая, как струп, скрывается на теле.

Готовит роскошь он одежд с изящной окантовкой,
Но повисает дух его разорванной хламидой.
Покои освещает он обилием светилен,
Но сердце держит он во тьме и беспросветном мраке.
Завесы открывает он на окнах, только чувства
Свои он запер и закрыл. И прочно он смыкает
Дверей затворы, сторожит он нажитые деньги,
Но уст распахнуты врата, и мысль, как-будто птица,
Выпархивает и потом далёко улетаёт.
Безумец, ценит он свою скотину даже больше,
Чем самого себя. О ней печется он поболее
Своей несчастнейшей души. Он землю засекает
Свою отменнейшим зерном, отобранном с усердьем.
Но в сердце плевел и бурьян один разросся пышно,
Рассудок брошен и забыт, растоптан и поруган.
Он в поте виноградник свой оградой обносит,
Заботливо он черенки лозы получше ищет,
А ум его как плеть лозы Содомских вертоградов.
Мул и ступить не смеет здесь, ему любезной нивой,
Но вепрь чащобный роет ум, обгладывая мысли.⁷⁵
Для смертных – тигель жаркий я и расплавляю разум.
Рассудок жарко распалив, исследую желанья:
Чарующий обманный блеск отлитым мной игрушкам,
Как стеклодув халдейский, я передаю искусно.
Я прибавляю правды часть, и лжи моей изящной
Конечно, верят. Ослепил Египет я жестоко –
Я рой мошек показал, ничтожных насекомых,⁷⁶
Они поверили тотчас не бывшему с охотой.
Застлав им очи, обучил их знакам Зодиака,
Хотя тех знаков отродясь на небе не бывало.

8

Стремительно взлетаю я и наблюдаю зорко,
И предсказателям реку все то, что происходит,
Они, обманутые мной, зовут меня „пророком“.
Я дерзко пред собой раскрыл в одно мгновенье вещи,
Сокрытые от смертных глаз, окутанные тайной.
Я подтвердить и то могу, что истинно, – доверьтесь,
Так было с Иовом, – и ложь, и так с Саулом было.
Саулу зримым сделал я пророчество несчастья,⁷⁷
Иов блаженный, как металл под полировкой муки,
Сияньем ярким возблистал⁷⁸ и этим был прославлен».

Гимн ХЛІ

Благословен, Кто козни все лукавого разоблачил.
Диавол-искуситель рек: «Страшусь я Иисуса,
Ведь Он уничтожает все плоды моих деяний.
Я сотни тысяч лет назад рожден был, непрестанно
Творил без роздыха и сна зеницам не давал я.
Все, что задумал, совершил, ни разу не дал маху,
Всех совратил и отдал лжи. А Он приходит нагло,
И развращенных мной опять Он делает святыми.
О, что за скорбь! Какая боль! Крушит мои творенья.
А сколько требует труда, и знанья, и усердья,
Чтоб вышить тонкий зла узор на глади мирозданья,
Украшив ткани бытия сей вышивкою адской.
Соревновался в беге я с быстрейшими из смертных.
Я превзошел их всех. Я был воителем искусным.
Мое оружие – ропот толп и возмущенье сонмов.
Волнение начало есть. Затем вступает в силу
Звериная свирепость масс и ярость лютых множеств.
Объединил их, обязал и вдохновил их буйство,
Я гору до небес воздвиг долонями ничтожеств:
Ушла громада в облака, превыспренная башня.⁷⁹
Сражались зодчие тогда: был брошен вызов небу!
Но смогут ль сотни одолеть Сего на персти брэнной?
Века минуют, времена. Сменяются и слуги
Мои, поэтому всегда различны нападенья.
Вот раз Израильский народ «Господь един!»⁸⁰ услышал.
И сей народ себя явил божественным собраньем.
И, Сына Божия узрев, обрел покров и силу
В Едином Боге, мысля то, что Бог – един и вечен.
Но и в прибежище своем он забывал о Боге.
Он знал, что Бог един всегда, и о Едином Боге
Влекомый ревностью, вещал он пылкими устами.
Но большей частью сей народ был глубоко порочен.
Без Бога Бога возносил, не зная о Едином.
Рожденный прежде всех эпох, я стал с людьми искусен:
Всегда я обожал детей и ими не гнушался.
Я много времени на них, поверь, доселе трачу.
С рожденья самого я в них укореняю скверны,
Привычки мерзкие ращу, наклонности дурные.
Изъяны, недостатки их возрастают вместе с ними,
Пороки множатся у них, плоды лихих привычек.

Но неразумнейших отцов, порочных до предела,
Не беспокоит в детях их убийственное семя.
Иные, умные, всегда, как добрый земледелец,
Искореняют чад своих душевные изъяны.
Людская лень – не найдешь узды, ее крепчайшей.
Оковываю я людей цепями праздной жизни.
Их чувства я обворовал, добро унес с собою,
От книг их очи удалил, уста – от славословья.
Без Богомыслия их ум оставил я. Усердье
Питают к басням суетны́ м,⁸¹ искусны в пустословье.
Когда является вдруг им святое слово жизни,
Отходят от него они, отвергнув с возмущеньем.
О, сколько демонов, смотри, роится в человеке!
Но человек лишь одного клянёт Сатаниила.
Гнев человека – демон злой, коварный, неотступный.
Ведь этот демон каждый день на смертных нападает.
Скитальцы демоны, поверь: коль принимают плохо,
Иль гневно оскорбляют их, уходят, опечалясь.
Но демон гнева не таков, его так не прогонишь:
Внедряется он вглубь души, глубоко пролезая.
В душевной темноте живет и в час, когда святые
Его наружу гонят, вон из сердца человека.
За ярость, вызванную им, убийственное мщенье,
Всевечно ненавидим я, диавол, порицаем,
Хоть сам я по себе, увы, болезненно печален,
И немощен и жалок я, отчаянно безволен.
Позор всем магам и волхвам, искусным чародеям
И тем, кто заклинает змей, кто с аспидом играет!
Те, завораживая змей, всяк день их укрощая,
Не могут кобру покорить, что в их душе гнездится.
Собой не могут овладеть. Грех, скрытый в них, как аспид,
Взметнувшись, убивает их. Пусть властно заклинитель,
Берет рукою кобры плоть, в искусстве безупречен,
Но [грех](#), шипя, наносит вдруг удар смертельный в спину.
Его заклятья – змей тела приятно расслабляют
И усмиряют хищный нрав и ток смертельный ядов,
Но чародейство, что вершит искусный заклинитель,
Против него священный гнев небесный распаляет.
В засаде с дротом легким я сажу и поджидаю.
Кто, мне скажите, терпелив, как я, и неустанен?!
[Вино и дьявольский дурман... Они – мои тенета!]⁸²
С болящим рядом я присел, и вот уж соблазнен тот.

Унынию отдался он. А тот, кто сожалеет
О совершенных им грехах, проступках безобразных,
Не отстаёт от рабства всем дурным своим привычкам.
Его я медленно влеку в геенну наслаждений,
Чтоб, как на меска, возложить ярем тяжёлый сверху,
И принимает он ярем, к нему влечется страстно,
И не желает никогда он обрести свободу.

9

Я выследил того, в ком жил недуг, его учуял,
И уж теперь-то поступлю с ним по своей я воле.
Пускай изведает всего, болезненная жертва.
Я победил Адама ум, он был уединенник,
Я дал ему изведать страсть, а после и отцовство.
Себе занятье я искал, чтоб как-нибудь развлечься.
Исчислил я песок морской, чтоб укрепить терпенье,
А с тем и память испытал, достигнуть совершенства.
И ныне память велика моя и беспредельна,
И разве не под силу ей все множества людские
Объять? Ведь я их сосчитал ещё до их рожденья
С песком бушующих морей, с песком зыбей тревожных».
Но челядь Сатаны шумит; между собою спорят,
И возражают, и слова сомненью подвергают
Его лукавые, их суть и смысл опровергая.
Они глаголят: «Елисей-пророк вернул дыханье
Умершему, и Смерть сразил он в горнице высокой,
Когда ребенка он вдовы вернул к сиянью жизни.⁸³
Но все же сам отбыл в Шеол и не избегнул смерти».
Но Сатана их победил, им возразив искусно,
Свой довод веский подкрепил их собственной речью:
«Ну разве Елисей-пророк повержен, побежден был?
Хоть сам в Шеоле мрачном он, но кость его во гробе
Свет милой жизни мертвецу таинственно дарует.⁸⁴
Хоть Елисей был ростом мал, плешив был и невзрачен,
Но силою своей велик он в сумрачном Шеоле,
Ведь воскресил он одного из мертвых невозвратных.
Но сколько ж мертвых оживут по смерти Иисуса,
Ведь Он могуществом велик, величием безмерен!?
О, сопоставьте, Иисус сильнее нас, о други,
Ведь Он искусно заманил вас в тайные тенета,
И вы не в силах и объять величья неземного,
Его величье вознеслось над высотой пророков».
Такие речи Сатаны друзьям его приносят

Едва ли утешенья весть, скорее их пугают.
«Кто жизнь дал телу мертвеца, Кто Лазаря восставил, –
Разве Такой примет смерть? Ведь Он ее сильнее!
Иль будет Смерти Он рабом? Ведь Смерть – Его рабыня
Ах, опасайтесь, друзья! Ведь не была напрасной
Его пугающая смерть. Он, умерев, придет
Адама к жизни воскресить, похитив из Шеола».
Из логова взирала Смерть, из сумрачных расселин.
О, удивленье! На кресте узрела Иисуса.
«Так вот Ты где теперь висишь, о Воскреситель мертвых!
И Ты, и Ты ко мне придешь, и я Тобой насыщусь:
Любимца Лазаря Ты мне Собою заменишь, милый.⁸⁵
Мои уста еще хранят вкус Лазаря приятный...
Но пусть же Иaira дочь⁸⁶ увидит крест Твой ныне,
Пусть вдовый сын⁸⁷ свой бросит взор на ра́ спятое тело.
Был древле деревом пленен [Адам](#) в садах Эдемских,
И Древо, то, что обняло, взнесло Давида Чадо,
Благословенно будет впредь, и ныне, и вовеки».
И вновь лукавые уста отверзла Смерть в реченьях:
«О Сын Марии, ныне Ты припомни Моисея:
А был он лучшим из мужей, был всеми почитаем.
Творил божественное он, как [Бог](#), все содержащий.
Израиля старшин убил, спас первенцев невинных,
Он страшный мор остановил. Я на Синай всходила,
На гору след во след за ним до самой той вершины.
Но Бог его мне подарил, из дланей предал в длани.
Да будет Бог благословен, да будет всепрославлен!
Адама сына был удел – единое величье.
Но Моисей от персти взят, и в прах он возвратился».⁸⁸
Ликуя, гордый Сатана со челядью явился,
В Шеол он сумрачный сошел, чтобы узреть, как будет
Туда низвергнут Иисус, низброшен наш Владыка,
Со Смертью, милою своей, возвеселился сердцем.
Но зрит: глаза ее в слезах, скорбит она и плачет.
Что ж приключилось? Горний клич Предвечного раздался,
Как первенца несносный крик. И мертвецы восстали,
Предприняв дерзостный побег из мрачного Шеола.
Лукавый было захотел любовницу утешить.
Шепнул: «Любезная мне Смерть, приобрела ты больше,
Чем потеряла, ведь к тебе Сам Иисус явился.
И прочие, как Он, придут, и те, кто жили прежде,
И те, кто будут жить потом, о, не страдай напрасно.

Яви, любимая, Его нам лик скорей, не мешкай,
 Чтоб мы увидели Его и вдоволь посмеялись.
 Ему мы скажем, уж поверь: „Ну где же Твоя сила?
 Три дня так быстро протекли... И что на это скажешь?“
 Еще заметим: „Третий день уже, дружок, опомнись!
 Ведь на четвертый воскресил Ты Лазаря, любимца...
 Так воскреси ж теперь Себя! Иль не по силам это?“»
 Смерть отворила мглы врата глубинного Шеола,
 И лик Господень засиял вне мрака Смерти хитрой.
 Как содомляне, слепотой поражены все вкупе,⁸⁹
 И Сатана, и сонм его, ослепшие, на ощупь
 Искали врат Шеолских медь, и всё не обретали.

* * *

Вероятно, это были «аномеи», крайние ариане, настаивавшие на сущностной инаковости Отца и Сына; аномеи не были строгими арианами, хотя принадлежали к родственной Арию антиохийской богословско-экзегетической школе Лукиана. Основателем аномейства был Аэтий, начавший свою [проповедь](#) в Александрии (356 г.) и вскоре после этого перебравшийся в Антиохию (Сирия), где имел значительный успех и собрал группу «тиасотов», среди которых особенно выделялся Евномий, впоследствии епископ Кизический. Аэтий рассматривал христианское учение как пространство для диалектических упражнений; учение о Боге излагал при помощи геометрических фигур. Ему принадлежит известная фраза, которую любили повторять его ученики: «Я так хорошо знаю Бога, как не знаю самого себя».

Фрагментарно переведены прот. [Леонидом Грилихесом](#): [Ефрем Сирин](#), «Гимн (Мадраша) на Рождество», пер. с сир., вступ. статья прот. [Леонида Грилихеса](#), Богословский Вестник, 5–6, Сергиев Посад, 2006, с. 17–41.

3

Eriphanion или theophania, 6 января.

4

Переведены А. В. Муравьевым: Мар Афрем Нисибинский (прп. [Ефрем Сирин](#)), Юлиановский цикл, Москва, 2006 (серия «Smaragdus Philocalias»).

5

Saint Ephrem, Les Chants de Nisibe, traduction de Paul Fhegali et de Claude Navarre, Paris: Cariscript, 1989.

6

[С. С. Аверинцев](#), Собрание сочинений, т. 2: Переводы: Многоценная жемчужина, Киев: Дух и литера, 2004, с. 11–58.

7

Переведены А. В. Муравьевым: Мар Афрем Нисибинский..., с. 77–135 (см. прим. 4 на с.10).

8

Гимн III воспевает освобождение сирийского города Нисибина, как событие, отзвук которого разносится по всей вселенной.

9

Вероятно, аллюзия на место о покаянии Ниневи: [Ион. 3](#) (не отмечена П. Фегаи).

10

[4Цар. 6:1](#) et passim.

11

[4Цар. 7:16](#).

12

[4Цар. 6:29](#).

13

Посредством вмешательства царя; [4Цар. 6:30](#).

14

Имеются в виду три осады, пережитые Нисибином.

15

[Мф. 27:34](#).

16

[Втор. 3](#)

17

[Быт. 3](#)

18

[Быт. 28](#)

19

[Мф. 27:52–53](#).

20

[Ин. 20:12.](#)

21

[4Цар. 5:26.](#)

22

[Быт. 25:22.](#)

23

[Ис. 66](#)

24

[Ис. 7](#)

25

Иезекииля; «Езекииля» metri causa.

26

[Иез. 37:1.](#)

27

[Лк. 7:12–14.](#)

28

[Мф. 27:52.](#)

29

[Рим. 2](#)

30

[Быт. 3](#)

31

[Мф. 4](#)

32

[Кол. 1](#)

33

[Мф. 20](#)

34

[Быт. 48](#)

35

[Ин. 1](#)

36

[3Цар. 19:16–19.](#)

37

4Цар. 4et passim.

38

[Исх. 12](#)

39

[Чис. 16:8.](#)

40

[Чис. 25:8.](#)

41

[Лк. 8:41; Мк. 5:22.38; Мф. 9:18, 23.](#)

42

[Чис. 16:16.](#)

43

[Мф. 27:52.](#)

44

[Чис. 25:8.](#)

45

[Быт. 3:24.](#)

46

[Ин. 19:34.](#)

47

Мф. 22et passim.

48

[Нав. 12:24.](#)

49

[Флп. 3:20.](#)

50

[Нав. 7:1.](#)

51

[Исх. 2:12.](#)

52

[Мф. 5:39.](#)

53

[1 Цар. 15:33.](#)

54

[Мф. 9:2.](#)

55

[Суд. 14:6.](#)

56

[2 Цар. 2:18.](#)

57

[2 Цар. 2:23.](#)

58

[3 Цар. 2:29–34](#)

59

[2 Цар. 8:2.](#)

60

[Мф. 18:21–22.](#)

61

[1 Цар. 17:36.](#)

62

[Лк. 7:14.](#)

63

Мф. 9et passim.

64

[Мк. 5:11–13.](#)

65

[Исх. 32:26.](#)

66

Суд. 11et passim.

67

[4Цар. 3:27.](#)

68

[Мк. 1:30; Лк. 4:38.](#)

69

[Мф. 5:22.](#)

70

Суд. 14et passim.

71

[2Пар. 14:9–12.](#)

72

[4Цар. 19:37.](#)

73

[3Цар. 18:40.](#)

74

[Мф. 13](#)

75

[Пс. 79](#)

76

[Исх. 8:18.](#)

77

Ср. [1Цар. 28:7–25.](#)

78

Ср. [Иов 23:10.](#)

79

[Быт. 11](#)

80

[Втор. 6](#)

81

[1Тим. 4](#)

82

Строка не читается; здесь – предложенная нами реконструкция.

83

[4Цар. 34.](#)

84

[4Цар. 13:21.](#)

85

[Ин. 11:11–42.](#)

86

[Мф. 9:18–26.](#)

87

[Лк. 7:11–17.](#)

88

[Быт. 3](#)

89

[Быт. 19:11.](#)

***Источник:** О Воскресении, смерти и сатане / Преподобный Ефрем Сирин (Мар Афрем Нисибинский). - Изд. пустыни Новая Фиваида Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. - Москва : Святая гора Афон; Никея, 2009. - 78 с.*